
Дмитрий БЛИЗНЮК

* * *

если честно, не люблю писать —
верлибры, стихи, прозу,
но люблю одну женщину. однажды Господь
дал ее подержать за талию, бокал с плотью,
обнять, заполнить семенем, мечтами,
галлюцинирующей пустотой,
а потом превратил в вибрирующую, ломкую,
скульптуру из бабочек, щелкнул пальцами — фокл! —
и она разлетелась по миру узорным маревом.
а я только рот раззявил: небритый голодный птенец.
теперь в каждой женщине, с которой я мужчина,
узнаю узоры горячих крыльев.
но эротическая радость узнавания
сменяется разочарованием,
в каждом стихотворении я хочу невыхотимое.
если бы я мог с ней остаться сейчас и навсегда,
я бы и слова не написал больше. никогда.
сжег бы все рукописи, а они горят, чадят —
подожженные нефтяные скважины
с черными заваливающимися хвостами...
но не смог раствориться в ее душе и теле —
золотой айфон в желудке пойманной акулы.
застыл лопухим истуканом,
а вокруг меня порхают — бабочки-в-животах?
нет — она, она, она. но ее у меня нет
и больше никогда не будет.
это шершаво-кошмарное «никогда» —
шикарное слово,
точно пиджак из вороньих перьев.
надеваешь его на голое тело ранним утром — и жуть.
и посему я возьму от поэзии все, что захочу.
поздно или рано.
вот почему я поэт.

Дмитрий Сергеевич Близнюк родился в 1979 году в Харькове. Лауреат нескольких международных конкурсов. Публикации в периодике и сети: «Сибирские огни», «Новая реальность», «Ликбез», «Плавучий мост», «Южное сияние», «Вокзал», «Белый ворон», «Квадрига Аполлона», «45 параллель», «Этажи», «Приокские зори», «Textura.by», «Зарубежные задворки», «МК.ги», «День литературы», «Флюгер», «Порог», «Харьковский мост». Автор трех книг стихов. Живет в Харькове.

* * *

оса прячется в саду, как террористка.
 а ты — роза с лепестками помады.
 сминаю твой рот руками,
 как пустую пачку из-под сигарет,
 я загорелый валет. сейчас вишу вниз головой,
 как нетопырь.
 потеет пчела в меховой безрукавке,
 трудится, чтобы зимой я грыз
 медовые косточки твоих ключиц.
 в твоём взгляде пузырьки любопытства —
 закипает полдень в серебряной ложке апреля.
 ты сплетничаешь: слон раздавил шахматную королеву,
 через год ты станешь мамой и моей женой,
 я люблю засыпать в обнимку с источником яда.
 я засунул руку в осиное гнездо,
 спрятал там свое бьющееся, как речная жаба, сердце.
 я разбивал камнем на мостовой
 капсулы с цианидом, лишь бы не прятать за щекой
 пути отступления.
 и под кожей расцветали оранжевые горячие узоры.
 все твоё тело облеплено моими ладонями,
 как мраморная статуя Венеры —
 объявлениями о пропаже и продаже.
 оса ужалила — горчичник засунули под кожу,
 боль уйдет, а любовь останется,
 чтобы показательно взмахнуть ресницами,
 точно рабы веслами на галере — в прощальный раз.
 идущие на жизнь приветствуют тебя.
 лепестки яблони на черноземе — отброшенные ноготки,
 ты теперь кто, ящерица или синичка
 в железной трубе?

* * *

вечность проплывает мимо
 величественно и презрительно, как гренландский кит,
 эти брызги, минуты, секунды — смотри, они твои...
 нищая форма жизни...
 но я улыбнусь — на ваших прочных космических крейсерах
 «миллионолетья»
 никого нет, а звезды бессмысленны, ядерные плевки,
 все планеты сногшибательно мертвы
 и ядовиты.
 смотри, вечность, на нашем утлом плоту
 из плоти, кредиток и быстрых слов
 кипит жизнь, борщ и любовь...

* * *

заношенный махровый халат —
кожа, сброшенная мраморной статуей,
а под ним она — юная, горячая,
каштан в треснувшей коже с шипами.
альбиносы подушек с сыпью помады.
и ты счастлив, как в детстве.
предмультфильмовое утро,
солнечная суббота —
свежий батон с хрусткой коркой.
и пальцы впиваются в теплую сдобную плоть
июльского дня. отщипывают фразы
домочадцев, птичьи трели.

ты замечал? кто-то ворует воспоминания,
так дети тырят у родителей деньги,
и не получается поймать на горячем
бандита памяти,
застать врасплох — как он выносит спеленатый мир,
прозрачного, как холодец, младенца
с пронзительно голубыми глазами.
память — живая тень невидимой души, она
отбрасывает подробные очертания, сполохи
на знакомые лица, на неприкрытую землю,
по которой ты гулял, ходил
за хлебом, в школу, к зубному, на свидание,
нельзя выйти из памяти человечества,
ты сел в поезд —

поезд Микеланджело
из человеческих тел. и каждое тело дышит,
и ты идешь по живому, и над тобой живые.
синхронно следят сотни глаз с потолка, не моргая,
из стен тянутся руки — не злобно, но безвольно, как толстые ветки,
ты в комке, в туннеле безликих тел — еще не сняли пленку
с лица, как с нового айфона. ты никогда не узнаешь,
чтобы понять, где же сейчас душа — в каком вагоне?
не стоит уходить в себя — в одиночество,
ты вернешься, но уже другим, модифицированным
истиной безжалостной. кто же ты,
бандит памяти?

ПОРОСЯТА ВОСПОМИНАНИЙ

1

поэты парят/подскакивают над асфальтом,
ибо свободны от земного притяжения — чуть-чуть.
нужно носить в карманах подковы, куски кирпичей,
прятать свинцовые пластинки в атрофированных крыльях,

чтобы не унес горячий, как из радиатора, ветер перемен.
 одуванчиковую Элли с букашкой
 в страну человеческих зверей.
 эпоха лакомится поэтами, как трюфелями.
 бедность — патриотичная свинья —
 всегда нарывает парочку талантливых особей на кривых ножках.
 и ты думаешь: человек искусства, приятная ошибка,
 нелепая случайность, золотая рыбка,
 которая живет в бачке унитаза — каждый раз
 мучительную минуту задыхается, пока эпоха
 перезагрузится, набьет эмалированное брюхо
 хлорированной ядовитой водой.

2

ветер лениво перебирает листву —
 леопард укладывается полежать на припеке,
 а ноябрь уже протягивает длинные белые руки,
 униженные азотными кольцами заморозков.
 я рад ее видеть, так полевка радуется зернышку
 после набега саранчи. так встречаешь ее
 среди шлания ненавязчивых фигурок толпы,
 как откровение, вот она — мессия всей твоей жизни,
 улыбнется, как солнце, и глазами обхватит тебя,
 как гиппопотам гиппопотамиху. но уже никого нельзя
 спасти. перекинулись полупустыми фразами —
 так два ветра обмениваются птичьим пухом, сором, запахами
 и разлетаются по своим слепым вихрящимся делам,
 так светишь фонариком в лисью нору,
 твердо знаешь: она там — черный нос и сверкают глаза,
 но ты сегодня пришел без собак и ружья, просто так.
 после нас остаются лужи музыки,
 павильоны разочарований,
 случайные встречи, деньги в озимой куртке,
 невыносимый аромат трюфелей,
 поросята воспоминаний.